

ЕЛЕНА ЕРШОВА

ГРАД ОГНЕННЫЙ

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Е80

Ершова, Е.

Е80 Град огненный / Е. Ершова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – 514 с.

ISBN 978-5-521-90864-6

На окраине мегаполиса, вдали от ярких огней и сытой жизни бродит горстка беженцев: мусорщики и сантехники, дворники и разнорабочие. Погоди брезгливо морщить нос, подойти ближе, если осмелишься! Чувствуешь запах гари и сладости? Это мы – чудовища из твоих кошмаров. Армия без Королевы. Мы лишились всего: дома, надежды и смысла жизни. По нашему следу идут охотники за головами, над нами ставят опыты, а кто-то до сих пор ведет теневую войну, пытаясь вернуть контроль над идеальным оружием.

BIC FL
BISAC FIC000000

© Елена Ершова, текст, 2020
© Елизавета Метлинова,
иллюстрации, 2020
© Елена Труфанова, Мария Дубинина,
обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-90864-6

ЧАСТЬ 1

НАЧАЛО

Офицер четвертого Улья мертв.

Он повесился на дверной ручке. На собственной портуpee.

Уже больше года нет ни званий, ни Ульев. Но между собой мы все равно называли Пола офицером. От старых привычек тяжело избавляться. Я видел его на прошлой неделе. Мы не разговаривали, но Пол узнал меня и кивнул. Теперь его налитые кровью глаза смотрят с упреком: «Зачем?». А я мысленно повторяю его вопрос. Но не спрашиваю, почему такую позорную смерть выбрал этот крепкий вояка, командовавший одним из роев Улья.

Спрашиваю: для чего я заварил эту кашу?

И не нахожу ответа.



Вести дневник — задание терапевта. Очередная глупость, навязанная в реа-били-тацион-ном центре.

Мы необщительны. В диагнозе написано: «Проблемы с коммуникацией в результате изоляции и специфического образа жизни». Ставь диагноз я, вместо «длительной изоляции» значилось бы «затворничество», а вместо «специфический образ жизни» — «насилие и мародерство».

Доктора жалеют нас. Смешно. Жалеть чувства выродков и насекомых, как называют нас многие люди. А мы называем себя по-прежнему — васы.

Кажется, я впервые услышал это страшное слово в детстве.

«Не будешь слушаться — придут злые васы и утащат в Улей».

Так говорила женщина, лица которой теперь не вспомню. Зато помню запах ее рук. Запах хлеба и молока. Помню, как она укрывала меня одеялом. А снаружи стояла ночь, и было страшно. Вдруг они уже за окном? Безликие. Серые. Пахнущие нагретой медью и сладостью.

Они приходили с севера, из зараженного Дара, и приносили беду. За ними тянулся след из пепла и трупов. Одних васы обрекали на смерть. Других — на существование похуже смерти.

«Васы забирают непослушных мальчишек, прячут в кокон, травят ядом и стирают память, чтобы сделать подобными себе».

Наверное, я был непослушным. Женщина с ласковыми руками оказалась права, ведь именно так я стал монстром. Забыл о прошлой жизни и принял новую, полную страха и боли. Приносил смерть. Забирал неопитов, и так по кругу, на протяжении многих, многих лет.

Вот что скрывается под «специфическим образом жизни». Нужно было изменить это.

Теперь один из моих соратников мертв. И я ответственен за его смерть. Если верить докторам, лучший способ привести в порядок мысли — это поделиться ими с кем-то или записать на бумагу. Общение не мой конек. Зато пространными рапортами меня не испугаешь.

Итак.

Сегодня второе апреля, среда.

Мое имя Ян Вереск.

Мне тридцать три года.

И я — васа.

2 АПРЕЛЯ, СРЕДА. КТО УБИЛ ПОЛА?

«Вереск» — не моя фамилия. При выходе из центра каждый васпа придумал себе фамилию и возраст. Но Ян — настоящее имя. Так называли меня ребенком, так называли в Улье.

Имя — напоминание о временах, когда мы были людьми. Неофитов забирали в раннем детстве. Предполагаю, я прошел инициацию в возрасте десяти лет. Потом спал в коконе. А когда вылупился — началась новая жизнь и новый отсчет.

Раньше я не задумывался, насколько это вообще тяжело — начинать заново. Любая перемена болезненна. Но не для тех, кто прошел Дарскую школу. Отчего же сломался один из самых стойких и сильных? Не могу поверить, что Пол сдался и так бесславно сдох.

— Самоубийство, — произносит лейтенант полиции, а медэксперт брезгливо упаковывает тело в черный мешок. Васпы отвратительны людям, а все потому, что для них мы просто насекомые.

Wasp — значит «оса».

Я отхожу в сторону, в тень. Освобождаю дорогу полицейским. Вынужденные иметь дело с мертвым васпой, они не захотят столкнуться еще и с васпой живым. Я им противен: сутулый, белобрысый тип с небритой рожей и выбитым левым глазом, скрытым повязкой. Лейтенант косится и морщит лоб. Вспоминает, где видел меня раньше. Возможно, видел. В столице я не впервые. Три года назад меня привезли из Дара в качестве подопытного образца. Теперь васпов признали членами общества и дали второй шанс. И хотя я не единственный, кто принял новые идеалы и боролся за них, меня по-прежнему считают лидером роя. Это накладывает определенные обязательства вроде опознания тела. Но лейтенант не спрашивает

моего мнения. А лучше бы спросил. Тогда я ответил бы, что не верю в самоубийство Пола.

Думаю, кто-то убил его.

3 АПРЕЛЯ, ЧЕТВЕРГ. КОМЕНДАНТ, ПРОФЕССОР И ПРЕТОРИАНЕЦ

... Я чувствую запах, его не спутать ни с чем. Копоть и кровь. Ими пропитался воздух и кожа. В мареве фигура женщины нечеткая, как карандашный набросок.

— Господин, пощадите! Не оставляйте ребенка без матери!

Женщина ползет, ломает ногти о доски пола. Я вижу себя со стороны — сторбленную фигуру, подсвеченную пожаром. Лицо безэмоционально и мертво, как глиняная маска.

— Где... неофит?

Одеревенелый после долгого молчания язык слушается с трудом. И жутко, что этот глухой голос тоже принадлежит мне.

Женщина плачет, целует разбитым ртом сапоги. От нее пахнет страхом. На тонкой шее пульсирует жилка. Поддень ножом и на руки выплеснется горячий фонтан. Желанный подарок тому, кто вынужден существовать в холодном и сером мире.

Мое сердце бьется в такт причитаниям. Это пьянит. Будоражит остывшую кровь. В груди разливается тепло, и сладко ноет внизу живота. Так сладко и горячо.

Я достаю нож. Лезвие заточено и надраено до блеска. Женщина воем, а я улыбаюсь. Бесстрастно. Холодно. Так умеют улыбаться только васпы.

Крики разрастаются, вплетаются в гул огня и рев вертолетных лопастей. Затем сливаются в один дребезжащий звук...



Будильник разрывается до тех пор, пока я не хлопаю по нему ладонью. Квартира погружается в немоту. На часах половина седьмого. За окном сумерки.

Я поднимаюсь быстро. Сказывается военное прошлое. В ушах еще слышится надрывный плач, а рука ощущает тяжесть ножа. С трудом ковыляю до ванной. Что пригибает меня к земле — вес собственного тела или тяжесть грехов?

В ванной достаю стеклянный пузырек и вытряхиваю на ладонь таблетки. Утром белая и голубая. Вечером белая и красная.

Мало того, что в башке каждого васпы стоит блокада по методу доктора Се-ли-вер-стова, каждый из нас обязан принимать лекарства. Это одно из условий сосуществования васпов и людей. Но когда тебе каждую ночь снятся кошмары, таблетки не кажутся тяжелой повинностью. Иногда они действительно помогают. Меня больше не преследует запах копоты и крови, а мир обретает прежнюю четкость.

Запив таблетки водой из-под крана, я подставляю голову под ледяную струю. Другой нет. Горячую воду отключили за не-уплату. В мире людей не меньше неприятностей, чем в мире васпов. Необходимость платить за коммунальные услуги одна из них.

Я думаю об этом, пока бреюсь. Быстро и не очень аккуратно. Не люблю долго разглядывать себя в зеркале. Пустая глазница и шрамы не добавляют привлекательности. Неважно, скрыты они повязкой или нет. По этой же причине люди обходят меня стороной.

Не говоря о женщинах.

Может, смерть Пола связана с женщиной? Новая жизнь подбрасывает проблемы, к которым мы не готовы. За год не компенсируешь всего, что упущено более чем за двадцать лет. Молодняку в этом плане легче. У старших почти нет надежды. Но чтобы Дарский офицер вешался из-за бабы? Чушь!

Ты никогда не пасовал перед трудностями, Пол. Так почему же сдался?



Я выхожу из дома за полтора часа до начала рабочей смены.

Забавно, теперь у каждого васпы есть работа. В наших документах стоит желтый штамп — разрешение жить и трудиться в обществе. Это билет в новую, мирную жизнь. Но также напоминание, что за малейший проступок ожидает смертный приговор.

Зверя надо держать в клетке, не так ли?

Весна в этом году слишком ранняя. Снег сошел в конце марта, а столбик термометра уже к полудню достигает семнадцати градусов по Цельсию. Не слишком комфортно для меня. За двадцать с лишним лет можно отвыкнуть от тепла и света. Но утром еще стоят заморозки, поэтому путь от дома до работы расцениваю как утреннюю пробежку.

Я не большой любитель пеших прогулок. Но в последний раз, когда пробовал проехать в автобусе, половина пассажиров оказалась в другом конце салона. Помню, какая-то девчонка, тыкая в меня пальцем, спросила: «Этот дядя бабай, да?»

Даже в стремительно меняющемся мире некоторые вещи остаются неизменными.

Город полон огней. Пахнет выхлопами и потом. Я привычно срезаю путь через сквер с маленьким фонтаном. Вечером здесь собираются влюбленные дураки, но утром ни души. Если остановиться на несколько минут и закрыть глаза, может показаться, что не пресная вода бежит по плитам, а шумит прибой. Тогда земля под ногами колеблется. И глубоко-глубоко, где цвет воды становится синее и насыщеннее, проплывают тени морских гигантов — китов. Я запомнил их по книжным картинкам о морских приключениях, которыми зачитывался в детстве. Для меня они как су-

щества из сказок. Вроде тех, о которых пишет Торий. Но некоторые мифы становятся реальностью. Знаю, о чем говорю. Долгое время я сам был мифом.

Слышу шаги. Слишком тяжелые, чтобы принадлежать человеку.

Оборачиваюсь.

Бывший комендант северного приграничного Улья останавливается на расстоянии и сдержанно желает доброго утра.

— И тебе, Расс.

Мы не пожимаем друг другу руки. Не принято.

Серповидный шрам наискось пересекает его щеку и губы, отчего кажется, что Расс криво усмехается. «Поцелуй Королевы» — так он всегда называл свой изъяз и очень чванился им. Но теперь Королева Дара, наша мать и богиня, мертва. И мы осиротели. А радость от первых успехов сменилась сомнениями.

— Найди их, Ян, — Расс наклоняется, опираясь о рукоять метлы. — Убийц Пола.

Я не питаю иллюзий. Васпы связаны между собой, и смерть одного уже не тайна.

— В полиции говорят, самоубийство.

На лбу бывшего коменданта вздуваются вены.

Вспоминаю, как он шел по выжженной земле, а разлетающиеся искры жалили кожу. От Расса пахло кровью и смертью. Он сам был смерть. Теперь на нем оранжевый жилет — пародия на его комендантский мундир. Лишь взгляд остался прежним. Взгляд хищника.

— Его убили, — рычит Расс. — Мрази из Си-Вай.

Я думал об этом. Си-Вай, или как они называют себя Contra-wasp, выступают против жизни васпов в обществе людей. Они доказывают, что мы убийцы и выродки. Биологический мусор. Что нам лучше сдохнуть. Именно они требуют возобновить опыты. И, положив руку на сердце, их высказывания получают поддержку.

— Думаешь, он не сделал это сам?

— Нет, — упрямо отвечает Расс. — Самоубийство позорно.

— Может, ему не нравилась новая жизнь...

Я произношу это под нос. Но Расс все равно слышит и замолкает. Сбитые на костяшках пальцы, сжимающие метлу, белеют. Некоторое время мы молчим. Слышно только, как на каштане стонет горлица, да брызги воды разбиваются о камни.

— Винишь себя? — наконец спрашивает Расс.

Я не отвечаю, но ответ не требуется. Он знает: виню. Поэтому отвечает спокойно:

— Не надо. Мы знали, на что шли.

Молчу. Слежу, как ветер покачивает ветви молодого каштана.

— Пол не убивал себя, — продолжает Расс. — Ему помогли.

— Думаешь, их было несколько?

Расс энергично кивает. Еще бы, в одиночку никто не справится с васпой, тем более, бывшим телохранителем Королевы.

— Я узнаю это. Обещаю.

Мы прощаемся. Расс провожает меня пылающим взглядом, а затем продолжает работу. В спину несется мерное «ш-шух...»

Я много думаю об этом разговоре. Что приобрели мы? Что потеряли?

Офицер Пол, одним ударом выбивающий кирпичную стену, работал автомехаником на станции техобслуживания.

Сменив маузер на метлу, комендант северного приграничного Улья, в подчинении которого имелся многотысячный рой, убирает улицы.

А я...

Командующий преторианской гвардией Дара, зверь из бездны, разрушитель миров — что делаю теперь я?

Мою пробирки в лаборатории профессора Тория.